http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья
УДК 81·42 81’22 141.319.8 070
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154

Война нарративов в украинских медийных практиках (на примере соблюдения календаря праздничных дат)

Ольга Викторовна Дегтярева

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Россия
olgaspb2008@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3404-879X

Медийные практики способствовали формированию инклюзивного сообщества, которое объединяло в себе украинскую и российскую культуру, но при этом не учитывало этнические чувства и традиции. Через СМИ политические силы выступали источником формирования идеологических установок граждан и представлений о социокультурной нормальности, отличной от политики памяти СССР. Традиционным для украинских СМИ стало деление на «своих» и «чужих». В результате, сформировалось сообщество, основанное не на общем для россиян и украинцев советском прошлом, а на общем для восточных и западных украинцев настоящем. Таким образом, в украинском официальном дискурсе появился нарратив о «вмешательстве России в проблему гражданского примирения украинцев», что привело к радикальному отходу от унаследованной в советское время оценки украинской истории в свете тезиса о единстве двух народов. Как и прочие идеологические расхождения в обществе, отношение к событиям прошлого стало предметом публичного обсуждения. Так, СМИ стали для украинских граждан основным источником исторического знания, привлекли внимание ко многим темам и одновременно популяризовали определённые эпизоды и соответствующие им ценности и идентичности в ущерб другим, что и является предметом изучения данного исследования. Проведён контент-анализ ряда идеологически полярных украинских медиа (украиноцентричных «Украина молода», «Газета по-украински» и пророссийских «Сегодня», «Факты и комментарии») и выявлены медиапрактики, которые используются для медиапрезентации наиболее значимых исторических дат, событий и лиц, оказавших ключевое воздействие на формирование идентичности «своей» и «чужой» аудитории. Анализ медийной практики позволил обнаружить наличие двух основных противоречий, которые касаются, с одной стороны, светских и религиозных праздников, а с другой – советского и националистического нарративов истории. Социологический опрос, проведённый нами среди студентов, позволил продемонстрировать, какое социокультурное воздействие оказывают эти медийные дискурсы. Выяснилось, что одним из важнейших способов медийного влияния на формирование исторической памяти аудитории стало соблюдение праздничных и памятных дней, которые устанавливают иерархию важности. Это выделение является главной составляющей медийного вклада в создание календаря, который сопровождает деятельность общества как целостной системы, одновременно поддерживая законность устоявшихся таксономий.

Ключевые слова: медийный дискурс, историческая память, календарь, памятные даты, советский нарратив, Украина, медийные практики

Original article

The War of Narratives in Ukrainian Media Practices (the Case of Observing the Calendar of Holidays)

Olga V. Degtyareva

North-West Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russia
olgaspb2008@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3404-879X

Media practices contributed to the formation of an inclusive community that brought together Ukrainian and Russian culture, but did not take into account ethnic feelings and traditions. Through the mass media, political forces were the source of the formation of ideological attitudes of citizens and ideas about socio-cultural normality, different from the policy of memory of the USSR. The traditional division of the Ukrainian media has become

© Дегтярева О. В., 2023

"own" and "alien". As a result, a community was formed based not on a common Soviet past for Russians and Ukrainians, but on a common present for Eastern and Western Ukrainians. Thus, in the Ukrainian official discourse appeared a narrative about "Russia's intervention in the problem of civil reconciliation of Ukrainians", which led to a radical departure from the Soviet-inherited assessment of Ukrainian history in the light of the thesis on the unity of two peoples. Like other ideological differences in society, attitudes to past events became the subject of public debate. Thus, the mass media became the main source of historical knowledge for Ukrainian citizens, attracted attention to many topics and, at the same time, popularized certain episodes and corresponding values and identities to the detriment of others. They are the subject of this study. We managed to conduct content analysis of a number of ideologically polar Ukrainian media (Ukrainian-centric "Ukraine is young", "Newspaper in Ukrainian" and pro-Russian "Segodnya", "Fakny I kommentarii") and to trace what media tools were used by them for media retrieval of the most significant historical dates, events and persons who had a key impact on the formation of identity of "their" and "foreign" audience. The analysis of media practice revealed two main contradictions, on the one hand, between secular and religious holidays and, on the other hand, between Soviet and nationalist narratives of history. We conducted the sociological survey among the students of the RANEPA and Kherson State Pedagogical University which demonstrated the socio-cultural impact of these media discourses. It turned out that one of the most important ways of media influence on the formation of the historical memory of the audience was observance of holidays and commemorative days, which establish a hierarchy of importance. This allocation is the main component of the media contribution to the calendar, which accompanies the activities of society as a holistic system, while maintaining the legitimacy of established taxonomies.

Keywords: media discourse, historical memory studies, calendar, memorable dates, soviet narrative, Ukraine, media practices

Введение. Медийный дискурс в значительной степени влияет на представление людей о своей идентичности, понимание того, что означает быть носителем национальной культуры или ощущать принадлежность к определённой нации. Одним из аспектов, формирующих политику идентичности, выступает асимметрия частоты и способа репрезентации других стран/наций в материалах СМИ. Однако не меньшую роль, чем география, в формировании взглядов и представлений играет история: выделение в медийных материалах определённых периодов и значимых для национальной идентичности фигур одновременно с нивелированием или замалчиванием других. Именно этот аспект остаётся недооцененным исследователями украинских медиа. Утверждение ценности «своей» общности обычно противопоставляется «чужой», которую наполняют иным ценностным содержанием.

Среди ведущих западных исследователей встречаются расхождения. Например, исследователь Арел характеризует Украину как «нерешительное национализирующееся государство с проницаемыми языковыми границами» из-за политического контекста, который выступает ведущим фактором формирования этнических и языковых категорий [1]. Изначально, термин «национализирующееся государство» ("nationalizing state") ввёл в научный оборот Роджерс Брубейкер [2] для обозначения стран, которые считают себя национальными, проводят политику, направленную на достижение этого положения, то есть предоставляют преференции титульной этнокультурной нации и дискриминируют и/или ассимилируют членов меньшинств. Арел же использовал этот термин в ранних работах, где определял Украину как национализирующееся государство, которое дискриминирует не этническую, а языковую группу: русскоговорящее население. Отмечая присущую украинскому официальному дискурсу неопределённость, исследователь задается вопросом: «Какая нация лежит в основе «нациотворческого проекта» – «культурная» или «политическая»? Арел пришёл к выводу об «отклонении в сторону культурной нации» [1, с. 217].

Такая фундаментальная двузначность или даже амбивалентность процесса создания нации особенно усилилась в Украине в последние годы. Это происходило благодаря тому, что государство (особенно при президенте Л. Кучме и В. Януковиче) проводило политику «проницаемости границ» между сферами употребления украинского и русского языков, а следовательно, нечёткости или двойственности идентификации граждан. Если попытаться оценить совокупное влияние разнонаправленных практик, используемых в этнической политике, то она также создавала инклюзивное сообщество, которое объединяло в себе украинскую и российскую культуру и не придавала большого значения этническим чувствам и традициям. Разнообразие трактовок языковых и этнических категорий и соответствующих им толкований идеологических наставлений,

которые использовались в публичных дискурсах, способствовали амбивалентному отношению украинских граждан к этнокультурным ценностям. Таким образом, даже умеренная политика Л. Кучмы и В. Януковича сочеталась с сохранением советского статус-кво, соблюдением международных требований относительно прав меньшинств и уступками в двусторонних отношениях с Россией. Такой подход способствовал сохранению представлений, которые украинское население унаследовало от советского периода развития [3; 4]

Уместно вспомнить, что именно «национальность» утвердилась в Украине как общее название классификационной категории, которая охватывала «нации» (титульные группы союзных республик) и «народности» (титульные группы автономных образований и группы, которые не имели собственных территорий). Эту категорию вносили в паспорта и личные документы и поэтому она быстро стала одной из наиболее важных идентификационных характеристик советских граждан. Официальный дискурс рассматривал эти сообщества как «социалистические» или «советские» «нации», чаще «народы», отношения между ними именовал – «дружбой народов», а всю совокупность граждан СССР – «советским народом», хотя и очерчивал её не как «нацию», а как «новое историческое сообщество людей, состоящее из разных наций и народностей» [5, с. 172–173, с. 183–189].

Часто именно предвыборные политические агитации и заявления выступали источником формирования идеологических установок граждан и их неартикулированных представлений о социокультурной нормальности отличной от советской. Всё чаще в материалах газет, например, «Україна молода», происходило деление общества на «своих» и «чужих», основанное не на общем для россиян и украинцев советском прошлом, а на общем для восточных и западных украинцев настоящем. Таким образом, в украинском официальном дискурсе появился нарратив о «вмешательстве России в проблему гражданского примирения украинцев», что привело к радикальному отходу от унаследованной в советское время оценки украинской истории в свете тезиса о единстве двух народов.

Одним из первых таких актов ревизии укорененного исторического представления, которое носило пророссийскую ориентацию, была реакция СМИ на указ Л. Кучмы о праздновании юбилея Переяславского соглашения 1654 г. На первую страницу газет был вынесён анонс статьи «Переяславська зРАДА-2», который сообщал: «Згідно з указом Президента, Україна відзначатиме 350-річний ювілей своєї національної поразки»[1]. Цифра «2» в заголовке дискредитировала не только само празднование, а и само давнее соглашение, которое трактовалось как первый шаг на пути полной зависимости Украины от России и считалось самой большой политической ошибкой в истории Украины. Кроме того, в материале приводился комментарий польского информагенства, согласно которому празднование приравнивалось к ментальной патологии с использованием метафоры «вхождение в рабство» («входження в невільництво»). Размещение данного комментария польской стороны подтверждало важность партнёрских отношений Украины с «европейской семьей народов» и их противопоставление с российской. Согласно этой логике были выбраны другие памятные даты, например, юбилей Устима Кармелюка и Николая Лысенко, годовщина со дня рождения «Великого Кобзаря», годовщины Центральной Рады и провозглашения Карпатской Украины и др[2].

И если героями одних украинских СМИ выступали, например, Михаил Горбачев и Валентина Терешкова[3], то Т. Г. Шевченко украиноцентричный дискурс представлял не только как официальную и популярную «икону», а и как символ протеста против несправедливой власти. Об этом свидетельствует, например, использование лозунга «Не ховайте, а вставайте…», который утверждал центральное место Т. Г. Шевченко не только в культуре, а и в жизни украинского народа,

[1] Шиманський О. Переяславська зРАДА-2. – Текст: электронный // «Україна молода». – С. 2. – URL: https://history.wikireading.ru/392829 (дата обращения: 28.11.2023).

[2] Галух А. Леонид Кучма присвоил Августину Волошину, президенту Карпатской Украины, звание Героя Украины (посмертно) // Факты и комментарии. – 4 Марта – С. 4; Музиченко Я. Безгрішний розбійник // Україна молода. – 6 марта. – С. 11.

[3] Лисниченко И. «На обеде в честь приезда Михаила Горбачева из напитков подали только сок и компот. Не было даже нашего традиционного вина «Оксамит України» // Факты и комментарии. – 2 марта. – С. 8; Лисниченко И. Только благодаря разрешению Леонида Ильича Брежнева состоялся развод Валентины Терешковой и Андрияна Николаева // Факты и комментарии. – 27 марта. – С. 7.

который выполняет его заветы. Следствием данного подхода стал проект переноса памятных дат: вместо 8 марта установили новый государственный праздник – День украинской женщины, отмечать который украинские власти предложили 25 февраля – (день рождения Леси Украинки). Выходным днём сделали 9 марта – день рождения Тараса Шевченко. Вместо празднования Дня труда, 1 мая и Дня победы 9 мая предписали отмечать только День памяти и примирения 8 мая.

Не менее важной чертой является маргинализация и навязывание чувства вины [6] той части украинского населения, которая соблюдает традиционные советские праздники, такие как День космонавтики и День Победы. Таких граждан и тех, кто, например, предпочитает использовать русский язык, украинский историк и депутат «Европейской солидарности» В. Вятрович назвал «сиротами империи»[1]. Несомненно, можно согласиться с выводами отечественных исследователей о том, что публичные дебаты «не являются универсальным механизмом солидаризации – напротив, они могут приводить и к дивергенции» [7; 8]. Поэтому целью данной статьи является выявление наиболее эффективных медиапрактик, способствующих утверждению конкурирующих в обществе нарративов.

Методология и методы исследования. Как и прочие идеологические расхождения в обществе, отношения к событиям прошлого являются предметом обсуждения в определённых медийных практиках: в проблемных статьях и интервью – в газетах; документальных фильмах и ток-шоу – на телевидении; телеграмм-каналах и видеохостингах – в интернете. Они-то и стали предметом изучения данного исследования. Нам удалось провести контент-анализ ряда идеологически полярных украинских медиа (украиноцентричных «Украина молода», «Газета по-украински» и пророссийских «Сегодня», «Факты и комментарии») и проследить какие медиапрактики использует каждое из них для медиапрезентации наиболее значимых исторических дат, событий и лиц, оказывающих ключевое воздействие на формирование идентичности своей аудитории. Так, СМИ и социальные сети стали для украинских граждан основным источником исторического знания, привлекли внимание ко многим темам и одновременно используя свойство селективного внимания аудитории, популяризовали определённые эпизоды и соответствующие им ценности и идентичности в ущерб другим. Исследователь В. А. Сидоров не случайно приходит к выводу о том, что такое положение ставит вопрос об истинности преломления того или иного исторического события в современности [9].

Хронологически с первых лет получения независимости легитимность правящих сил выстраивалась на осуждении советского режима, хотя в дискурсе постноменклатурной власти эта тенденция не была выражено так решительно. Поэтому так важно было проследить как менялся украинский медиадискурс в течение времени, особенно в период прихода к власти оппозиции.

Интересно, что даже так называемая «Оранжевая революция» 2004 г. не стала препятствием на пути распространения пророссийских представлений и идентичностей. Учитывая современную напряженную внешнеполитическую ситуацию и полярность мнений, важно проанализировать наиболее эффективные медийные практики и спрогнозировать их возможное идеологическое влияние на молодое поколение граждан. Для этого нами был проведён социологический опрос студентов факультетов социальных наук, кафедр журналистики и медиакоммуникаций Херсонского государственного педагогического университета и СЗИУ РАНХиГС[2]. Перечень материалов, посвященных празднованию основных советских, современных российских и украинских, а также религиозных праздников, выступил объектом исследования студентами-участниками фокус-группы с целью выявления противоречий в трактовке истории и рассмотрения наиболее эффективных медийных практик разнонаправленных СМИ.

Результаты исследования. Одним из важнейших способов медийного влияния на историческую память аудитории выступает

[1] На Украине назвали отмечающих День космонавтики сиротами империи. – URL: https://iz.ru/1150779/2021-04-13/na-ukraine-nazvali-otmechaiushchikh-den-kosmonavtiki-sirotami-imperii (дата обращения: 30.10.2023). – Текст: электронный.

[2] Херсонский государственный педагогический университет: [офиц. сайт]. – URL: https://hgpurf.ru (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный; Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: [офиц. сайт]. – URL: https://spb.ranepa.ru (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.

соблюдение праздничных и памятных дней, которые устанавливают перечень и иерархию важности таких дней, и, соответственно, идеологий, которые эти дни наглядно демонстрируют. Это выделение является главной составляющей медийного вклада в создание календаря, который сопровождает деятельность общества как целостной системы, одновременно поддерживая законность устоявшихся таксономий, которые делят его на определённые части (пол, возраст, профессия и т. п.).

Социологический опрос, проведенный среди студентов показал, что из 546 респондентов большинство составили женщины (72 %), а доля мужчин была значительно меньше (28 %). Часть студентов пришла к выводу, что данный показатель свидетельствует о том, что «женщины вовлечены в подобного рода дискуссии и размышления о проблеме истории намного больше, чем мужчины» (Алекстандра, студентка 1 курс ХГПУ). Следующей причиной, по мнению студентов, служит нестабильная политическая ситуация, в связи с которой на мужчин, как на социальную группу, производится большое давление, следствием которого является эскапизм, выражающийся в нежелании касаться военной темы во всех возможных аспектах»[1]. Возрастная группа с наибольшим количеством респондентов составила 18–22 года (362 чел.), за ней следуют 23–26 лет (80 чел.), 27–30 лет (60 чел.) и 31–35 лет (44 чел.). Это свидетельствует о том, что наиболее всего в данную тематику вовлечены молодые люди, в то время как с возрастом процент вовлечения снижается.

Результаты социологического опроса раскрывают феномен праздника как актуальной части социокультурной реальности. Респонденты дали ответы на вопросы «Как вы относитесь к празднованию военных дат?» и «Считаете ли вы их трагедией или праздником?».

Мнения респондентов разделились. Результаты опроса показали, что почти 50 % (203 чел.) всех опрошенных считают празднование памятных военных дат трагедией. Треть участников опроса (174 чел.) воспринимают эти дни как праздник и отдают дань уважения людям, которые сражались за Родину. Среди ответов преобладает комментарий – «это праздник со слезами на глазах». Однако были респонденты, которые выразили желание «не отмечать эти даты, как это у нас принято сейчас, так как это не помогает осознать все те потери, к которым приводит война и не является подтверждением того, что это нужно избегать и решать вопросы мирным путем» (Илья, студент СЗИУ РАНХиГС). Часть опрошенных, наоборот, высказала мнение о том, что «праздники должны быть более скромными и по-семейному тёплыми, а не формальными» (Варвара, студентка 2 курса ХГПУ).

Ответы на вопрос «Должны ли наши граждане отдавать «долг Родине?» показали следующую динамику: 50,7 % опрошенных ответили положительно («долг Родине существует, граждане должны его отдавать» (Сергей)); 49,3 % ответили отрицательно («долг Родине устаревшее понятие» (Марина)).

Один из наиболее интересных для исследования вопрос «Если Родина зовет, то нужно ли идти её защищать?» показал: 386 человек ответили положительно (70,6 %), 84 респондента – отрицательно (15,4 %); 17 полагали, что «все зависит от ситуации, масштаба и охвата»; 14 респондентов ответили, что «воевать – работа профессиональной армии» (Владимир); 7 указали, что «никто, никому, ничего не должен» (Алексей); 6 человек не знали, как ответить на данный вопрос; один человек указал, что «выбор зависит от ситуации» (Александра). Проанализировав результаты по данному вопросу, можно сделать вывод, что большинство опрошенных «согласны исполнить долг перед Родиной». Около 20–25 % считают иначе.

Примечательна тональность слова «война», которое чаще всего упоминали респонденты в своих ответах, отмечая значение таких советских праздников, как «23 февраля» и «День Победы». При опросе у большинства появились негативные эмоции. Среди 546 респондентов только 1 % ответили, что война не вызывает у них никаких чувств/эмоций. У большинства респондентов было представление о войне, которое было сформировано благодаря рассказам родственников, участвовавших в реальных боевых действиях.

Большинство опрошенных испытывало растерянность, когда речь заходила об оказании помощи близким. «Война вызывает самые негативные эмоции, это одно из самых ужасных чувств, особенно сейчас, когда

[1] Расшифровка материалов видеозаписи по итогу проведения фокус-группы среди студентов СЗИУ РАНХиГС.

молодой человек находится в армии, а мы не знаем, куда его отправят после окончания учебки» (Анастасия, студентка СЗИУ РАНХиГС). «Ощущение что жизнь стоит на паузе на неопределённый, но большой срок. Параллельно с этим чувствуется постоянная усталость и тревога» (Александра, студентка ХГПУ) (рис. 1). Среди чаще всего упоминаемых респондентами слов были: смерть – 271 раз, голод – 70, кровь – 63, страх – 55, беспокойство и горе – 27 раз, разрушение – 19 раз (рис. 2).

Рис. 1. Результаты социологического опроса среди студентов СЗИУ РАНХиГС и ХГПУ

Fig. 1. Results of the sociological survey among the students of RANEPA and Kherson State Pedagogical University

Рис. 2. Результаты социологического опроса среди студентов среди студентов СЗИУ РАНХиГС и Херсонского Государственного Педагогического Университета

Fig. 2. Results of the sociological survey among the students of RANEPA and Kherson State Pedagogical University

Обсуждение результатов исследования. Разнообразные практики медийного соблюдения праздников и дней скорби можно свести к двум категориям. Во-первых, в такие дни появляются посвящённые им специальные медийные продукты: от новостных сюжетов до художественных фильмов на телевидении; от обширных интервью, воспоминаний до упоминания в регулярных календарях и периодических изданиях. Во-вторых, в честь особо важных дат СМИ готовы изменять общую структуру своего дискурса. Например, часто над логотипами размещают дополнительные лозунги или тосты, газеты увеличивают размер выпуска, а телеканалы особенным образом украшают студии или заполняют эфир необычными заставками. Кроме того, оба типа медиа могут наполнить колонки или эфир специальными продуктами, радикально изменив тем самым долю других, или вообще отказаться от некоторых из них как несоответствующих отмечаемому дню. В частности, в дни скорби СМИ иногда отказываются от развлекательных программ/текстов и т. п. Таким образом, объединение этих элементов наделяет выпуск или эфир чертами, не похожими на обычные, что способствует восприятию аудиторией именно этих дней как особенных. Настолько, что особенными становятся и СМИ, особенно, если действуют сообща и единым фронтом. В таком случае их общей солидарностью поддерживается идентичность, а несогласие – маргинализируется.

Если говорить о календаре, то мы обнаружили наличие двух основных противоречий, которые касаются, с одной стороны, светских и религиозных праздников, а с другой – советского и националистического нарративов истории. В первом случае медиа стремятся объединить прежний атеистический подход с религиозным (прежде всего, православным) новым, то есть отмечать и светские, и церковные праздники. Бывает, что такое объединение выглядит непаритетным: религиозные праздники не являются для СМИ поводом требовать существенных изменений в структуре дискурса, в частности, изъятие несоответствующих элементов, обусловленных статусом этого дня в

альтернативном календаре как обычного дня или праздника. Именно поэтому журналисты стремятся свести празднование даже крупных христианских дат к публикации или показу специальных материалов, не отказываясь, при этом, от прочих, в частности, развлекательных медиапродутов. Следуя этому принципу, практически все телеканалы вводят в новостные выпуски праздничные сюжеты или студийные тексты, некоторые демонстрируют один-два документальных или художественных фильма. Только телеканал «Первый» национальный должен был исполнять указания власти и транслировал основные православные богослужения, сокращая другие телепрограммы и выделяя эти дни как необычные.

Важные светские праздники, например, Новый год или День Победы, украинское телевидение отмечало наполнением многочисленными праздничными программами, что радикальным образом изменяло структуру вещания. Хорошим примером служит эфир первых дней января, в котором журналисты видят не рождественские праздники, а новогодние каникулы (долгие выходные дни). Это же касается календарных выходных дней, на которые часто выпадают и главные христианские праздники, не совместимые с развлекательной структурой телевизионного дискурса и требующие совсем иного поведения.

Объединяя в эфире рождественские и новогодние (или другие религиозные и светские) элементы, телевидение отражает состояние общества. Например, часть украинских исследователей придерживается формулы, согласно которой «украинец ещё не совсем родился, а советский человек – не совсем еще умер» и утверждают, что желания части аудитории, для которой 6 и 7 января – не просто выходные дни, игнорируются [10]. Таким образом, это даёт основания для формирования преимущества одной традиции перед другой, например, «советского человека» над «религиозным украинцем» (или, по крайне мере, внимательным к национальной традиции и верованиям соотечественников). Это касается телевидения газет, однако последние в меньшей степени. Это связано с отсутствием выпусков в выходные дни, традиции, унаследованной от советского периода, когда переносили праздничный газетный выпуск на предыдущие дни, тем самым усиливая зависимость аудитории от телевидения.

Следующей тенденцией можно считать преимущество, которое СМИ предоставляют советским праздникам в ущерб антисоветским, соответствующим националистическому нарративу украинской истории. В этом случае украинские СМИ демонстрируют иной подход относительно религиозного и светского календарей, согласно которому две исторические модели и их главные праздничные даты представляют как несовместимые. Следуя данному подходу, некоторые украинские издания, например, отмечают только одни и игнорируют или упоминают в противоположном идеологическом значении, другие. Например, 23 февраля 2008 г. «Газета по-украински» даже не упомянула о Дне защитника Отечества. Эту дату Л. Кучма учредил в конце 1990-х гг. вместо упразднённого после провозглашения независимости Дня советской армии.

Обратной позиции придерживалось издание «Сегодня», которое посвятило этому дню обширный материал на второй странице, дополнительно отметив значимость рубрикой «Новость дня» и анонсом на первой странице. Данное свидетельство является следствием не количества населения, а скорее готовности совмещать религиозные празднования со светскими/советскими. Примечательно, что это же издание игнорировало День памяти жертв Голодомора и политических репрессии[1], празднование которого приобрело политическое значение при президентстве В. Ющенко. Стремление В. Ющенко достичь решительного осуждения Голодомора как преступления советского режима, редакция «Сегодня» квалифицировала как разъединяющий шаг, «войну» против советской власти и ее украинских сторонников внутри украинского общества, что привело к дискурсивному взрыву по линии «мы-они» [11]. Помещая антисоветскую память в контекст политики, СМИ трактует её как часть истории [12; 13]. В таком случае применяют медийную практику, основой которой выступают воспоминания очевидцев, «личные истории», например, материал о главе КГБ Крючкове, который «не дал победить путчу»[2].

[1] Сегодня. – № 268. – 26 ноября. – URL: www.segodnya.ua (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.

[2] Виктор Ющенко пошел войной на советскую власть // Сегодня. – № 268. – С. 2.

Следует отметить, что материалы, которые раскрывают не столько сами исторические события, сколько судьбы простых людей на фоне этих событий, формируют определённый образ прошлого. Именно передача рассказов как части личной или коллективной памяти, а не официального знания, можно считать критерием, согласно которому следует различать тексты «о людях» и «об истории».

Иной подход демонстрирует «Газета по-украински», которая отметила этот день сразу несколькими исторически ориентированными материалами в рубрике «История», например: «Людей не хоронили – сил не было»; «Сидит человек и ест кота. Прямо с шерстью»; «На выставке о Великом Голоде люди говорят шепотом» и пр.[1] Хотя, безоценочность «историй судеб» героев публикаций, занимающих разные позиции, способствует также нормализации, как соответствующих им идеологий и общественных практик, так и одинаково воспринятых частей истории, не требующих нормативного оценивания. Следствием этого может быть дезориентация или аномия. В отличие от материалов о событиях и деятелях давних эпох, тексты, касающиеся современных людских судеб, предстают не столько как история, сколько как память.

Заключение. Характерно, что некоторые советские по происхождению праздники, как, например, 8 марта и 9 мая, антисоветски настроенные издания не обходят своим вниманием, что свидетельствует о значении этих дат для большей части аудитории медиа. Та же «Газета по-украински» посвятила «8 марта» серию материалов, которые рассказывают об истории возникновения праздника, выборе подарков для разных групп женщин и пр.[2] От газеты «Сегодня» подборка материалов «Газеты по-украински» отличается только отсутствием специального поздравления от лица редакции[3].

[1] Чебанюк О. Людей не ховали – сил не було // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 13; Павленко Н. Сидить чоловік і їсть кота. Прямо з шерстю // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 14; Перевозіна О. На виставці про Великий Голод люди говорять пошепки // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 3.

[2] Цалик С. У Російській імперії Жіночий день відзначали 23 лютого // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 25; Олеся Поп. Ліцеїсткам на 8 Березня дарують золото і косметику // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 6; О. П. Прем'єрка полетіла до Брюсселя з донькою // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 4.

[3] Каждый день для тебя // Сегодня. – 7 марта. – С. 8.

Важным фактором создания национальной идентичности и поддержания ностальгии по советскому прошлому служит перечень факторов. Среди них существенным условием выступили идеологические приоритеты российских производителей и телеменеджеров, продукты которых украинские телеканалы активно демонстрировали. Естественно, в них отражались достижения советской эпохи, а не украиноцентричные инициативы. Эти приоритеты существенно влияли и определяли темы и подходы к медиапродуктам. На первых порах основной тенденцией развития украинских медиа была рыночная непаритетность, а именно совместимость или несовместимость медиапродуктов с доминирующим в России историческим нарративом [14] (при отсутствии государственных механизмов регулирования), что способствовало маргинализации попыток некоторых телеканалов, например «1+1», создавать привлекательные документальные фильмы на тему украинской истории отличной от советской. Именно документальные и художественные фильмы стали часто используемыми телевизионными жанрами для создания исторического сознания аудитории.

Государственные и частные телекомпании в первые годы независимости переняли советскую традицию производства документальных фильмов пропагандистско-просветительской направленности. Позже им на смену пришли более сенсационные, драматичные и зрелищные ленты производства самих украинских телеканалов или новых продакшн-компаний. Тематика и стилистика первых делала их менее интересными для массовой аудитории. Независимые телеканалы в большей степени ориентировались на прибыль в отличие от, например, финансируемого из государственного бюджета Первого Национального. Однако и они были вынуждены выполнять требования лицензии, которые предусматривали определенную долю культурологических программ, поэтому новые ленты чаще появлялись в эфире, правда, в ночное время. Фильмы же первого типа на тему советской и постсоветской эпох чаще заполняли дневной или даже праймовый эфир, особенно на СТБ и «Интер», в результате чего был сломан распространенный среди украинских журналистов стереотип о документальном кино как нерейтинговом жанре [15; 16].

Хронологическая и психологическая близость советской эпохи делала демонстрацию более доступной и легкой для восприятия, благодаря, во-первых, доступу к участникам/свидетелям событий, документам и видеоматериалам [17], а во-вторых, привлекательным для большей части аудитории [18; 19]. Смена же стилистики сопровождалась сменой тематических приоритетов. В укор журналистам ставили отсутствие картин на тему борьбы с репрессиями в СССР, которые должны были «открывать зрителям малоизвестные периоды истории Украины, которые замалчивались и/или фальсифицировались со стороны большевистского режима» [10].

Таким образом, как переходное общество, Украина находилась в процессе переосмысления календаря праздничных дат, через который происходило утверждение националистического нарратива украинской истории как главенствующего. При этом, видим, что распространение и усиление роли несоветских праздничных дат в дискурсе медиа и власти после Оранжевой революции не привело к ликвидации советских дней скорби и празднования, что, напротив, свидетельствует об идеологически нейтральном и общем для всего общества понимании истории. Легитимация советского строя через стимулирование памяти об известных деятелях часто сосуществует с критической подачей материала. Это в конечном счете служит соединению в одном СМИ и, соответственно, в подсознании аудитории, двух нарративов прошлого – советского и националистичечкого («Зеркало недели»). Такое взаимодействие даёт надежду полагать, что поиск компромисной трактовки, на котором бы основывалась идентичность большей части общества, возможен.

Список литературы

1. Arel D. Interpreting «nationality» and «language» in the 2001 Ukrainian census // Post-Soviet Affairs. 2002. No. 18. P. 213–249.

2. Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account. Theory and society. 1994. No. 23. P. 47–78.

3. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

4. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3. С. 87–102.

5. Nahaylo B., Swoboda V. V. Soviet disunion: a history of the nationalities problem in the U.S.S. R. London: Hamish Hamilton. Council on Foreign Relations. 1990. Vol. 69, no. 5. 201 p.

6. Данилова Е.А., Суляк С. Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине. Русин. 2021. № 65. С. 296–315.

7. Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2020. С. 40–60.

8. Севастьянова Я.В., Ефременко Д. В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86

9. Сидоров В. А. Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 171–180.

10. Вєжлівий В. Глядачі СТБ очікують розумного продукту // Телекритика. 20 октября.

11. Байша, О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.

12. Бойцов В. Н. Проблема сохранения исторической памяти: история и современность // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2021. № 4. С. 18–23.

13. Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, № 1. С. 63, 65.

14. Цветова Н. С. Медиапрезентация современной коммуникативной личности: ценностное содержание // Медиалингвистика: материалы VI Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г. / науч. ред. Л. Р. Дускаева; отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2022. 779 с.

15. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 436 с.

16. Кокотюха А. Анна Безлюдная: «Наш новый проект может стать рождением нового тележанра» // Телекритика. 4 ноября.

17. Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of "historical statehood" in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass // Problems of PostCommunism. 2019. Vol. 65, no. 4. P. 1–15.

18. Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security // Security dialogue. 2015. Vol. 46, no. 3. P. 221–237.

19. Fedorov A. V., Chelysheva I. V., Muriukina E. V., Gorbatkova O. I., Kovaleva M. E., Knyazev A. A. Mass media education in the USSR and Russia: the mainstages. M.: Information for All, 2014. 267 p.

Информация об авторе

Дегтярева Ольга Викторовна, кандидат политических наук, доцент; Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС); 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43; Херсонский государственный педагогический университет; 273003, Россия, г. Херсон, ул. Университетская, 27; olgaspb2008@mail.ru; https://orcid.org/0009-0007-3404-879X.

Для цитирования

Дягтерёва О. С. Война нарративов в украинских медийных практиках (на примере соблюдения календаря праздничных дат) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 144–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Arel, D. Interpreting "nationality" and "language" in the 2001 Ukrainian census. Post-Soviet Affairs, no. 18, pp. 213–249, 2002. (In Engl.)

2. Brubaker, R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account. Theory and society, no. 23, pp. 47–78, 1994. (In Engl.)

3. Malinova, O. Y. Memory Policy as a Symbolic Policy Area. Methodological Issues of Memory Policy Study. M: Nestor History, 2018. (In Rus.)

4. Miller, A. I. The increasing importance of the institutional factor in the policy of memory – causes and consequences Politics: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics), no. 3, pp. 87–102, 2019. (In Rus.)

5. Nahaylo, B. Victor Swoboda V. Soviet disunion: a history of the nationalities problem in the U.S.S. R. London: Hamish Hamilton. Council on Foreign Relations, no. 5, pp. 201, 1990. (In Engl.)

6. Danilova, E.A., Sulyak, S. G. Feast in tears: about the attitude to the Victory Day in Ukraine. Rusin, no. 65, pp. 296–315, 2021. (In Rus.)

7. Sevastyanova, Y.V., Efremenko, D. V. Past and future in the Soviet meta-narrative: the relationship of the national and supranational. Memory policy in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutes, narratives: collective monograph. Sankt-Peterburg: EUSP, 2020: 40–60. (In Rus.)

8. Sevastyanova, Y.V., Efremenko, D. V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. Political science, no. 2, pp. 66–86, 2020. (In Rus.)

9. Sidorov, B. A. Past and Present in Media Environment: Value Resonance. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 171–180, 2022. (In Rus.)

10. Vyzhliviy, V. Vyachichi STB pozykuyut rose product. Telekritika. 20 Oct. 2006. (In Ukr.)

11. Baisha, O. Discursive rift of the social field: Lessons of Euromaidan. M: Izd. House of the Higher School of Economics, 2021. (In Rus.)

12. Fighters, V. N. The problem of historical memory preservation: history and modernity. Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces, no. 4, pp. 18–23, 2021. (In Rus.)

13. Kostina, E. N. Memory, oblivion, identity: dialectics of phenomena. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 63–65, 2011. (In Rus.)

14. Tsvetova, N. S. Media presentation of the modern communicative personality: value content. Media linguistics. Proceedings of the 6 International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg: 30 June 2022: 779. (In Rus.)

15. Ankersmith, F. R. Sublime historical experience. M: Europe, 2007. (In Engl.)

16. Kokotuhukha, A. Anna Unmanned: "Our new project can become the birth of a new TV genre". Teleritika. 04 Nov. 2006. (In Engl.)

17. Voronovici, A. Internationalist separatism and the political use of "historical statehood" in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass. Problems of Post Communism, no. 4, pp. 1–15, 2019. (In Engl.)

18. Mälksoo, M. "Memory must be defended": Beyond the politics of mnemonical security. Security dialogue, no. 3, pp. 221–237, 2015. (In Engl.)

19. Fedorov, A.V., Chelysheva, I.V., Muriukina, E.V., Gorbatkova, O.I., Kovaleva, M.E., Knyazev, A. A. Stages of media education in the USSR and Russia: the mainstages. M: Information for All, 2014. (In Rus.)

Information about the author

Degtyareva Olga V., Candidate of Political Science, Associate Professor; North-Western Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation; 57/43 Sredny prospect V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia; Kherson State Pedagogical University; 27 Universitetskaya st., Kherson, 273003, Russia; olgaspb2008@mail.ru; https://orcid.org/0009-0007-3404-879X.

For citation

Degtyareva O. V. The War of Narratives in Ukrainian Media Practices (the Case of Observing the Calendar of Holidays) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 144–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154.

Received September 19, 2023; approved after reviewing October 28, 2023; accepted for publication October 29, 2023.